

АМЕРИКАНСКАЯ SCI-FI 1950-60-х ГОДОВ: ПЕРЕВОД КАК ИНСТРУМЕНТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Мальцева Н.Г.¹, Разумовская Е.А.²

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, кафедра романо-германских языков и переводоведения, доц.

²Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, кафедра русской и зарубежной литературы, ст. преп.

Статья посвящена проблемам, связанным с переводом произведений американских писателей-фантастов в советское время. Работа представляет собой исследование роли института перевода во взаимодействии двух культур в рамках жанра научной фантастики. Авторы статьи, размышляя о принципах отбора НФ-произведений для перевода и публикации в Советском Союзе, отмечают важную роль общеполитического и идеологического контекста. При этом литературные и стилистические трудности перевода отходят на второй план, уступая задачам цензурирования.

Ключевые слова: американская научная фантастика, советская идеология, идеологическое воздействие, Холодная война, перевод.

Мы предлагаем поговорить об американской научной фантастике (НФ) периода ее расцвета, а именно 50-60-х гг. XX века. Американская НФ указанного периода может по праву считаться особым, уникальным явлением мировой культуры, заслуживающим пристального внимания.

Строго говоря, временные рамки Золотого века англоязычной фантастики шире (где-то с конца 1930-х по 1970-е), но именно в послевоенные годы, в период бурного роста страны, когда общество вела некая организующая, движущая сила, появляются наиболее значительные имена и знаковые произведения. Иными словами, Золотой век американской НФ совпадает с историческим периодом Холодной войны, глобального военного, экономического и идеологического противостояния между СССР и США. Научно-фантастический жанр представлялся в ту пору полигоном, на котором можно испытать самые смелые замыслы, самые немыслимые мироустройства.

И в Советском Союзе, и в США НФ-литература имела свои особенности. Но если советская фантастика ориентировалась на высокую художественную планку (или хотя бы декларировала это), то на Западе science fiction (Sci-Fi) изначально мыслилась как продолжение приключенческой, развлекательной литературы. Американские критики констатируют тесную связь жанра Sci-Fi с поп-культурой. Джону Сазерленду принадлежит следующее наблюдение: «В ряду ве-

щей определенных (смерть, налоги и тому подобное) существует правило — ни одно научно-фантастическое произведение никогда не получит Букера, будь оно хоть «Войной миров» Герберта Уэллса» [15; 18]. Об этом же пишет Том Шиппи, рассуждая о психологии англоязычного книжного рынка 1970-х, заполненного НФ-романами, как корзины уцененными товарами, в связи с чем жанру рекомендуется оставить интеллектуальные претензии [14; 11]. Даже роман-утопия, заслуженный, имеющий долгую историю жанра «серьезной» литературы, не выдержал столкновения с реальностью: в Великобритании 1970-х ожидание некой социальной утопии, рождающейся из пепла политического и морального упадка, сменилось тем, что утопию даже отдаленно не напоминало — возобновленным консерватизмом М. Тэтчер [11; 35], — и скатился в разряд развлекательной литературы.

Такого же мнения о НФ США придерживалась и советская критика: «Это, прежде всего, множество развлекательных книг, позволяющих массовому читателю из повседневного скучного существования уйти в мир приключений... Большей частью это новеллы и романы с лихо закрученным сюжетом, но весьма примитивные по языку и образности, с ничтожным идейным и психологическим содержанием» [6; 288]. Таким образом, окончание Золотого века НФ в западном мире связано с очевидной коммерциализацией жанра.

Вторая особенность американской реальности – то, что может быть названо «паранойей 1950-х». НФ в полной мере транслировала свойственные тому времени фобии, в частности, страх ядерной войны, порожденный глобальным противостоянием. Вот как Р. Бредбери описывал антиутопические произведения соотечественников: «Я вижу самоистребляющую половину человека, слепого паука, копошащегося в ядовитой темноте, которому снятся грибообразные сны» [2; 11]. «И встанет гриб лиловый, и кончится Земля», вторит ему советский бард, подтверждая, что «грибообразные» сны снились не только американцам. Однако в СССР относительный оптимизм был вменен в обязанность, по крайней мере, официальной точке зрения.

Как известно, идеология имеет свойство встраиваться в любое высказывание, в том числе литературное. Это утверждение доказывается последними исследованиями в сфере политической коммуникации [10]: политический и связанный с ним массмедийный дискурс развиваются циклично, и сегодня политические высказывания вновь щеголяют штампами советской риторики, в том числе термином «холодная война». И НФ 1960-70-х гг. в полной мере отражала идеологическое противостояние и соревнование наук, в частности, битву за космос (*space race*). Самый космос в фантастическом пространстве того периода был поделен на советский и американский секторы, хотя нужно отметить, что в зеркале НФ со-

перничество американцев и русских даже в самые опасные периоды изображалось довольно благородным, можно сказать, джентльменским: вражда сверхдержав не мешала русским и американцам в случае какой-нибудь чрезвычайной опасности объединить усилия и сообща спасти человечество.

Как же на этом политическом фоне и при наличии «железного занавеса» решалась задача взаимодействия культур при посредстве художественного перевода? Ведь диалог, как мы знаем, осуществлялся, хотя и в форме спора.

Динамику отношений отражает библиография русских переводов американской литературы [7; 391-517], из которой можно узнать, кого публиковали и когда. Из нее следует, что Р. Бредбери начали публиковать в 1956 году, Р. Шекли – в 1960, А. Азимова – в 1962. Кроме этих троих фантастов в библиографическом списке названы сборники научно-фантастических рассказов англоязычных писателей («Научно-фантастические рассказы американских писателей» (1960); сборники англо-американской фантастики «Туннель под миром» и «Экспедиция на землю» (1965)). В них были опубликованы рассказы П. Андерсона, Г. Каттнера, К. Саймака и Р. Хайнлайна, составивших славу не только американской, но и мировой фантастики. Имена Бредбери и Шекли встречаются также в сборниках, не имеющих к НФ прямого отношения («Современная американская новелла» (1963) и «Короли пирогов и другие сатирические рас-

сказы современных американских писателей» (1964)). Следует сказать, что из всех названных авторов самым публикуемым в СССР является Рэй Бредбери: в период с 1956 по 1968 г. в изданиях различного рода вышло 66 публикаций.

Противостояние диктовало определенные требования к институту перевода. Помимо *space race*, существовала *language race*, и ученые по обеим сторонам «железного занавеса» торопились узнать о работах друг друга. Испуганные запуском советского спутника, американцы, бросая щедрые средства на разработку машинного перевода, оперативно переводили все наиболее значимые русские научные публикации [12]. Советская машина перевода была не столь мобильна – маневренности ее лишала не только малоэффективная экономика, ограничивающая финансовые средства, но и институт цензуры.

Говоря о проблемах перевода и переводчика в советское время, нужно отметить, что проблемы эти были не лингвистического характера. Лингвистические задачи перевода, – например, перевод фразеологизмов или того, что критик Стивен Банн назвал «пиротехническим парадом» НФ-терминов, – решались относительно легко. Главной проблемой переводчика была цензура, власть которой действовала уже на стадии отбора произведений для перевода.

Главным принципом такого отбора стало соответствие переводимых произведений принципам соцреализма или, на худой конец, критического реализма.

Нам представляется, что именно в этом пункте, т.е. при отборе информации, поступающей из-за «железного занавеса», принципы соцреализма, породившие специфическую советскую литературу 1930-1960-х гг., сохранялись дольше всего. Конечно же, все произведения, выходившие за рубежом, подвергались жесточайшему отбору и цензуре, и до советских читателей, которые «ждут еще более значительных, идейно и художественно совершенных произведений, во всей полноте раскрывающих созидательную работу советского народа..., и новых ярких произведений, сатирически обличающих все им враждебное, порочное, прогнившее, отрицательное, тормозящее поступательное движение социализма» [8; 354], доходили в своем самом выхолощенном варианте. Этому способствовало практически поголовное незнание иностранных языков в стране. Разумеется, сказанное выше касалось не только переводной фантастики: любая переводная литература, выходившая в центральных советских издательствах, соответствовала основным принципам соцреализма, за исключением, возможно, партийности.

Зарубежные писатели делились на реакционных, т.е. тормозящих поступательное движение социализма, — их не печатали ни при каких условиях, и прогрессивных, обличающих язвы капиталистического общества, которых, с уступками и оговорками, можно было издавать. Сатирическое направление в этом плане было удобней других. Нужно было только убе-

дить читателя, что американские фантасты создают сатиру на загнивающее капиталистическое общество и, прикрываясь маской развлекательности, обманывают бдительность негласной американской цензуры, критикуя мир «долларопоклонников». Это, дескать, спасительная мимикрия... Такая нехитрая подмена совершалась с помощью предисловий, которыми снабжались почти все зарубежные переводы. Предисловие Е. Брандиса и В. Дмитриевского к весьма популярному 25-титомному изданию «Библиотеки современной фантастики» (1965) [2] в этом отношении очень показательно; его можно считать манифестом идеологов и цензоров советской фантастики, — настолько подробно объясняет оно отличие советской фантастики от несоветской.

Второй проблемой перевода и переводчиков была проблема фоновых знаний. В условиях отсутствия интернета и запрета на свободное проникновение информации извне за «железный занавес», источником информации могут быть только специальные правительственные институты, как, например, главная редакция переводов Агентства печати «Новости». Существовала так называемая Иносправочная служба, которая давала возможность правильно перевести названия различных международных мероприятий, организаций и других реалий. Существовали картотеки, в которых годами накапливались записанные от руки сведения. Перевод, таким образом, был совмещен с задачами внутрисполитической пропаганды, а

переводчик всегда находился на передовой информационной войны.

Проиллюстрируем сказанное анализом перевода романа Фрица Лейбера «The Silver Eggheads» (1961). Фриц Лейбер, практически неизвестный широкой аудитории в России, – культовая фигура для американской НФ, один из столпов этого жанра. В ряду выдающихся зарубежных фантастов он упоминается в названном выше предисловии Брандиса и Дмитриевского, но переводить на русский язык и печатать его начали только в 1970-е. По-видимому, трудно было приспособить его произведения к правильным целям, поскольку писал Лейбер в русле традиционной для «коммерческой» литературы США тенденции к использованию интригующих сюжетных ситуаций, про которые можно сказать, что они содержат «ужасы, сексуальность, безумие, извращенность». Показательно, что первым был опубликован его сатирический роман; более того, публикация этого романа стала возможна только в период относительной разрядки международной напряженности, который длился до ввода советских войск в Афганистан в 1979 г.

Первый перевод романа вышел в 1971 г.; это сильно сокращенный вариант оригинала, выполненный двумя переводчиками, И. Почиталиным и Р. Нудельманом. Второй перевод (1993), полносоставный вариант, был сделан переводчиком Д. Дмитренко. Существует еще третий вариант перевода,

опубликованный в 1996 г. И. Почиталиным; за основу в нем был взят перевод 1971 г., но вставлены пропущенные тогда по цензурным соображениям фрагменты.

«Серебряные яйцеглавы» — роман о писателях и писательстве. В отдаленном будущем книги пишут электронные машины, wordmills (словомельницы); продукт их производства называется woodwooze (словопомол). Писатель обслуживает словомельницу, запуская туда первое слово, а дальше машина сама генерирует сюжет, добавляет нужные эпитеты и прочее по всем законам построения художественного текста. Помимо этого писатель обязан экзотически выглядеть и вести богемный образ жизни. Настоящие же, еще «домельничные» писатели хранятся в виде законсервированных в серебристых металлических овоидах мозгов. Главный герой романа Гаспар де ля Ньюи оказывается втянутым в череду приключений, связанных с уничтожением словомельниц.

Wordwooze — окказионализм, образованный от «word» («слово»), «woozy» («одурманенный алкоголем или наркотиками, нетрезвый») и «booze» («выпивка, пойло»). Возможно, Лейбер обыгрывает здесь слова Р. Киплинга, который в речи 1923 года, произнесенной в Королевской коллегии хирургов Англии, называл себя «словоторговцем», поскольку «слова, несомненно, являются самым сильнодействующим наркотиком, известным человечеству». Окказионализм переведен как «словопомол» (1971) и «слово-

дурь» (1993). Словопомол в книге Лейбера обладает всеми качествами наркотика – создает в голове приятную пустоту или розовые облака, дает забвение, вызывает привыкание и синдром отмены, а при повторном использовании, т.е. при попытке перечитать помольную книгу, – только раздражение и головную боль. Все это полностью сохранено в переводе-1971, заменено лишь ключевое слово. Не обязательно толковать эту замену как уступку цензуре, принимая во внимание, как удачно вписывается «словопомол», продукт «словомельниц», в текст и контекст.

Обслуживающие словомельницы писатели в этом вымышленном мире носят имена-дженерики, смонтированные из имен и фамилий реальных писателей и героев литературных произведений. Имя главного героя, очевидно, является аллюзией на название книги стилизованных историко-фантастических новелл Алоизиуса Бертрана «Гаспар из Тьмы». Авторы перевода-1971 упростили читателям задачу восприятия, заменив имена менее известных писателей (Sappho Wollstonecraft Shaw, Lafcadio Cervantes Proust, Marcel Feodor Joice, Harriet Beecher Bronte) на более известных или популярных в СССР (Станислав Бредбери, Вальтер Купер, Брет Фенимор Лондон, Шарлотта Бичер-Эллиот). Этот «произвол» переводчиков, однако, обеспечивает читателю радость узнавания, разгадки.

На одну такую замену стоит обратить особое внимание. Одного из героев произведения, бритоголового писателя-экстремиста, в оригинале зовут Homer

Hemingway. Хемингуэй был популярен в СССР, по крайней мере, преподносился как прогрессивный писатель и читался. Следовательно, его имя нельзя было присвоить отрицательному персонажу, и Гомер Хемингуэй превратился в переводе-1971 в Гомера Дос Пассоса. Интересно, что Дос Пассос не просто был знаком с Хемингуэем, их связывали непростые отношения – дружба, затем разрыв и взаимные обвинения, причиной чему стало совместное участие писателей в гражданской войне в Испании в качестве добровольцев. О том, что именно стало причиной разрыва, мы можем судить лишь по обрывочным замечаниям в воспоминаниях очевидцев. Так, сам Э. Хемингуэй писал впоследствии: «Дос Пассос, который прежде был таким славным малым, ужасно струсил тут». Но по другим данным, Дос Пассос уехал из Испании и впоследствии порвал с «левым» движением после того, как резидентура НКВД в Мадриде расстреляла его друга, ученого и переводчика Хосе Роблеса. Отношения с Хемингуэем также прекратились.

В оригинале романа Ф. Лейбера большое количество прецедентных имен, аллюзии к «большим» именам интеллектуального мира, которые по идеологическим соображениям не могли появиться в советском печатном произведении. Исчезли со страниц перевода имена Будды, маркиза де Сада, Е. Блаватской, С. Дали и др. Каждое из исчезнувших имен связано с «крамолой» религиозного, либертианского, эзотерического и т.д. толка.

Однако самым значительным сокращениям подверглось все, что было связано с темой сексуальности и телесности. Так, из перевода-1971 исчезла написанная с неподражаемым юмором глава, посвященная описанию публичного дома Мадам Пневмо, в котором клиентов обслуживали секс-роботы. *Femmequins*, как они, по аналогии с манекенами, назывались у Лейбера, в переводе-1993 названы женокенами. Близкое знакомство с одним таким женокеном чуть не стоило жизни главному герою: выяснилось, что женокен совмещен с банкоматом, и чтобы расцепить объятия робота, нужно опустить стодолларовую банкноту в прорезь на затылке.

Кроме того, в переводе-1971 цензуре подверглись отдельные сцены и фрагменты, чрезвычайно скромные по современным стандартам. Так, например, «*She now is mistress of half my voting stock and all my libido*» [13; 192] переведено: «Отныне она является владелицей пятидесяти процентов моих акций и ста процентов моего *сердца!*» [4; 357]. Следует отметить, что все подобные «вырезки» сделаны виртуозно, часто на уровне отдельных слов, одно из которых «секс». Вот как оно исчезает из текста при полном сохранении смысловой нагрузки: Один из главных героев романа, робот-писатель осуждает людей: «*The Universe is vast, majestic, intricate, patterned with inexhaustible beauty, vivid with infinitely varied life – and there is only one thing in it that really interests you. Sex*» [13; 116]. В переводе-1971 читаем: «Вселенная гро-

мадна, величественна, сложна, организована невообразимо прекрасно, одухотворена бесконечно разнообразной жизнью, но вас, людей, интересует в ней только одно!» [4; 304]. Здесь на практике иллюстрируется известный народный мем 1990-х «В СССР секса нет!»: секс есть, а слова нет. Хотя один раз слово «секс» все-таки появляется в переводе-1971, но в уничижительном смысле: «Люди — это губители грез. Они убрали радужные пузыри из мыльной пены и назвали ее стиральным порошком. Они лишили любовь лунного света и назвали ее сексом» [4; 232]. Эта тирада вложена в уста писателя-робота, который пишет романы, пользующиеся большой популярностью у его собратьев.

Нет в переводе романа слов и для многого другого, связанного с эротической сферой: исчезли *perversions, lesbian, masochism, gay, aphrodisiacs, voyeur facilities, exhibitionistic, spanking, libido, fetishist, hermaphrodites*, — слова, многие из которых были известны советскому читателю 1970-х исключительно как медицинские термины.

Следует заметить, что в результате подобных переводческих сокращений, связанных с эротикой и сексом и вызванных, как уже говорилось, требованиями советской цензуры, отечественному читателю было представлено совершенно иное литературное произведение, хотя не лишенное достоинств и весьма увлекательное. Любые вмешательства переводчика в оригинальный текст влекут за собой его изменения, а

сокращение одного из составляющих его элементов приводит к потере исконного смысла, к искажению писательского замысла. Очевидно, что содержание оригинального романа Ф. Лейбера, писателя-фантаста, активного участника антифашистского движения в США, также выступавшего против сексуального закрепощения женщин, не сводится к развлекательной «клубничке»: роман «The Silver Eggheads» – вклад писателя в «необычную революцию», набравшую силу в послевоенные годы в США: «Совершенно непохожая на прежние политические и экономические революции, она почти незаметна. Ее бурные сцены проходят без шумных публичных проявлений, они ограничены уединением спальни и участием отдельных индивидуумов. Не отмеченная драматическими событиями большого масштаба, она обходится без гражданской войны, классовой борьбы и кровопролития... Без плана и организации она осуществляется миллионами индивидов, действующими по собственной инициативе... Имя ей – сексуальная революция... Она изменяет жизнь людей более радикально, чем любая другая революция нашего времени» [9; 19].

Еще одна тема, пострадавшая при переводе – все, что связано с «фрейдовским психоанализом», к которому советская наука относилась, как известно, крайне отрицательно, но в американском обществе он являлся и является необходимым компонентом. Помимо «страха кастрации» [13; 141], исчезли многие

ироничные рассуждения автора, например, о том, что больной-невротик боится всех психоаналитиков, кроме собственного.

В переводе-1971 сокращено и видоизменено все противоречащее официальной мировоззренческой доктрине Советов; это можно увидеть на примере фрагментов, связанных с религией. Роботесса-цензор придирается к самым невинным словам, в частности, к глаголу «know», и мечтает отредактировать Библию: «Don't you ever *read* your Bible? Adam 'knew' Eve, and that was the beginning of all begattings. Some day I'm going to expurgate the Bible — it's my dream» [13; 134]. Перевод, — «Неужели вы даже Библии *не читали*? Адам «познал» Еву, и с этого все началось. Как-нибудь я пройдуся по Библии с карандашом в руках — это моя заветная мечта» [4; 320], — на первый взгляд выглядит довольно точным; исключение составляет изменение грамматического времени глагола «читать» с настоящего на прошедшее. Быть знакомым с Библией и подшучивать над ней было можно и в стране Советов; но совсем другое дело — читать ее постоянно (что и передается в оригинале настоящим временем) и быть искренне верующим, например, верить в бессмертие души. По этой же причине исчезает фрагмент беседы действующих лиц о бессмертии души.

В переводе-1971 исчезает группа слов, которым могла быть приписана идеологическая окраска, или которые часто употреблялись в политическом кон-

тексте, например, слово «пропаганда», которое в переводе трансформируется во «внушить симпатию»: «I'll absorb their exasperations and at the same time work in a little *propaganda* for Rocket House» [13; 128] («Я послужу громоотводом и постараюсь внушить им *симпатию* к «Рокет-Хаусу» [4; 313]).

В подцензурном переводе-1971 ожидаемо не нашло места следующее утверждение: «Even foreign-language countries depended almost completely on mechanical translations of Anglo-American wordwooze for their fiction» [13; 236], поскольку перекликается с обвинением, высказанным советскими цензорами и критиками: «Англо-американская фантастическая литература, как серьезная, так и коммерческая, экспортируется во все страны мира. Подобно тому, как ракеты «земля-воздух», «земля-земля» с клеймом «Made in USA» помимо воли населения завозятся в страны западного мира, осуществляется американская идеологическая экспансия» [2; 15].

В описании истории роботов, которые из примитивных механизмов эволюционировали в полноправных партнеров человека, находим, что первые роботы «were subjects to fits of the extreme depression, *often expressing itself in an exaggerated slave-psychology*, which even electroshock was powerless to cure» [13; 114]. Можно лишь предполагать, какие именно нежелательные ассоциации читателей стремились предотвратить цензоры, убирая в переводе любые упоминания о «психологии рабов»: «... они были чрезвычайно

подвержены приступам глубокой депрессии, против которых даже электрошок был бессилен» [4; 301].

Следует сказать о высокой квалификации советских переводчиков периода Холодной войны: проведенный анализ романа Ф. Лейбера «The Silver Eggheads» и переводов 1971 и 1993 гг. на русский язык показывает, что более поздний по времени создания перевод, хотя и является более полным, при этом изобилует переводческими ошибками. Дабы не быть голословными, подтвердим это утверждение примерами. Так, в переводе-1993 имя одного из псевдонимов будущего, Dylan Bysshe Donne (Дилан Биши Донн), было просто транслитерировано, приобретая вид «Дилан Биси Донне», что, разумеется, повлекло за собой утрату интертекстуальных связей. Обольстительная секс-роботесса «кукует» с клиентом (так был переведен глагол *cooed*). Примеры буквального перевода в тексте 1993 г. многочисленны: «создания *родственного пола*»; «если ты считаешь, что я должен»; «Это начинает меня интересоваться»; «такие случаи волнуют меня» и пр.

Переводы 1990-х гг. были избавлены от цензуры: в 1990 г. вышел закон «О печати и других средствах массовой информации», который, «ликвидировав институт цензуры, существовавший в России около двухсот лет, снял идеологические ограничения, фактически разрушив основу советской системы книгоиздания, заложил базовые предпосылки для организации книгоиздания на новых рыночных принципах»

[3]. Однако это отрицательно сказалось на их качестве. Книжный рынок того времени, формировавшийся в условиях острого книжного дефицита, вдруг заполнили издания массовой зарубежной литературы: «Идеологическую цензуру сменил диктат рынка – теперь издавалось прежде всего то, что продавалось. Лотки и прилавки книжных магазинов быстро заполнили «Чейзы, Сандры Браун, Кунцы, Макбейны, Спиллейны и прочие Анжелики». Вал зарубежной литературы, зачастую плохо и наспех переведенной и изданной, но весьма и весьма востребованной изголодавшимися по развлекательному чтению россиянами, захлестнул страну» [3]. Согласно статистическим данным, в начале 1990-х гг. среди переводных изданий лидировали сентиментальный роман, детектив, триллер и фантастика, которая составляла 12% от всех издаваемых переводных книг [3].

Очевидно, что, соответствуя требованиям идеологической цензуры, перевод-1971, тем не менее, гораздо выше в художественном отношении, чем последующие «бесцензурные» переводы 1990-х гг. С уверенностью можно говорить, что они представляют определенную литературную ценность. Более того, подобные переводы расширяли кругозор советского читателя и позволяли хотя бы одним глазком заглянуть за «железный занавес».

Литература

1. Баканов В.И. О чудный мир моторов и электричества!.. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bakanov.org/articles/3/22>.
2. Брандис Е., Дмитриевский В. Путешествие в Страну Фантастики // Библиотека современной фантастики: В 15 тт. М., 1965. Т. 1. С. 5-26.
3. Ильницкий А. Книгоиздание в современной России. М., 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://amicable.ru/publish/brochure/>.
4. Лейбер Ф. Серебряные яйцеглавы. Пер. с англ. Почиталина И., Нудельмана Р. / Шутник. Сб. науч.-фантаст. произведений. М., 1971. С. 209-358.
5. Лейбер Ф. Серебряные яйцеглавы. Пер. с англ. Д. Дмитренко // Лейбер Ф. Избранное: В 2 тт. Киев, 1993. Т. 2. С. 5-186.
6. Мендельсон М.Э. Американская сатирическая проза XX века. М., 1972.
7. Проблемы литературы США XX века. М., 1970.
8. Ревякин А.И. Проблема типического в художественной литературе. М., 1959.
9. Сорокин П.А. Американская сексуальная революция. Пер. с англ. Войтенковой Г.Ф. М., 2006.
10. Харламова Т.В. Цикличность политического дискурса // Личность-Язык-Культура: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. 26-28 ноября 2014. Саратов, 2015. С. 33-40.
11. Edgar D. State of Play. Footpath: A Journal of

Contemporary British Literature in Russian Universities.
Issue 9 (4), 2015. P. 35.

12. Gordin M. Scientific Babel: How Science Was Done Before and After Global English. University of Chicago Press, 2015.

13. Leiber F. The Silver Eggheads. Ballantine Books, New York, 1961.

14. Shippey T. Out of the Gothic. London Review of Books. Vol. 9. No. 3. 5 February 1987. Pp. 11-12.

15. Sutherland J. Devil take the hindmost. London Review of Books. Vol. 17. No. 24. 14 December 1995. Pp.18-19.